

(имена Федры, Клеопатры, Моины), не меняет господствующего тона, так как в тесном соседстве с прозаическими *охлопать* и *обишкать* все эти Федры, Моины вынуждены сбросить свои таинственно-возвышенные личины, обнажая под ними физиономии реальных русских актрис, представляющих этих древних героинь.

Совсем в ином, однако, ключе выполнены стихи следующей строфы:

Волшебный край! Там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С молодой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой;
Там и Дидло венчался славой;
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

«Высокость», «условленность» — вот камертон этой строфы, заставляющей вспомнить «язык богов». Тут и обильные перифразы (*волшебный край, сатиры смелый властелин, гений величавый, венчался славой*), и музыка анафоры (*там...*), и возвышающая функция славных имен Корнеля, Фонвизина, Озерова, и славянизмы (*стары годы, младая Семенова*), и инверсии и прочие конструкции из поэтического арсенала высокой элегии или оды.

Итак, налицо два полярных стили, «голоса», действительно сосуществующих в единстве повествования «Евгения Онегина». Но только ли сосуществующих? Ведь в этом случае ни о каком серьезном отличии романа Пушкина от предшествующей ему поэзии говорить бы не приходилось. Сосуществованием разных, до диаметральной противоположности, стилей отмечено, например, вот это описание Швеции из письма К. Батюшкова еще за 1814 г.:

Здесь жертвы страшные свершались Одену,
Здесь кровью пленников багрились алтари...
Но в правах я нашел большую перемену:
Теперь полночные цари
Курят табак и гложут сухари,
Газету Готскую читают
И, сидя под окном с супругами, зевают...

Заметьте, однако: в стихах Батюшкова «высокий» и «низкий» стили принадлежат не одному, но разным же явлениям, сферам мира (скандинавы *некогда*, в древности, и они же *теперь*). Пропитированные же полярные строфы «Евгения Онегина» имеют в виду как раз о д и н и т о т ж е п р е д м е т, жизненное явление — в данном случае петербургский бал.

И это в' корне меняет все дело! Разнородные «голоса», заключенные в «стенах» единого предмета изображения, не ограничиваются простым соседствованием. Они вынуждены особо взаимодействовать, в з а и м н о п р о н и к а я и в з а и м н о о п о с р е д с т в у я друг друга. В результате ни один из голосов в своем первоначальном виде не сохраняется, преобразаясь к а ч е с т в е н н о.

Отныне эти стили самостоятельно и не существуют, а лишь в свете нового, т р е т ь е г о ц е л о с т н о г о образа уже богатой и сложной структуры.